

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

ДОЛГОСРОЧНАЯ ОРИЕНТАЦИЯ ЛИЧНОСТИ: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЙ*

©2020 г. Т.А. Нестик*

*Доктор психологических наук, профессор, заведующий лабораторией социальной и экономической психологии, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт психологии РАН; 129366, Москва, ул. Ярославская, дом 13, корп. 1;
e-mail: nestik@gmail.com

DOI: 10.38098/ipran.sep.2020.19.3.005

Поступила в редакцию 26 августа 2020 г.

Аннотация. Представлен анализ *долгосрочной ориентации* как социально-психологического феномена. Рассматриваются различные подходы к ее изучению в кросс-культурной психологии, нейронауках, экономической и организационной психологии. *Долгосрочную ориентацию* предлагается рассматривать как многомерный феномен, включающий ценностно-мотивационные (ориентацию на отложенное вознаграждение и выраженность дисконтирования будущего, ценность преемственности, устойчивых к времени достижений и следа в истории, ценность непрерывного саморазвития, ценность прогнозирования будущего, ценность долгосрочного целеполагания и планирования, ценность долгосрочных отношений, ответственность перед будущими поколениями), когнитивные (протяженность временной перспективы, горизонт планирования, убеждение в возможности влиять на отдаленное будущее и прогнозировать его, убеждение в том, что затраченные усилия будут вознаграждены в будущем), аффективные (удовольствие от фантазирования в отношении долгосрочного будущего, интерес к долгосрочным прогнозам, оптимизм в отношении долгосрочного будущего) и поведенческие компоненты (постановку долгосрочных целей, ориентацию на учет долгосрочных последствий, поиск информации о долгосрочном будущем, готовность обсуждать его с друзьями и коллегами, ориентацию на приобретение товаров длительного пользования). Анализируются социальные и психологические предпосылки долгосрочной ориентации и ее психологические функции, а также ее возможные социально-психологические типы. Намечены перспективы дальнейших исследований в данной области.

Ключевые слова: долгосрочная ориентация, временная перспектива, ценности, дисконтирование будущего, отложенное вознаграждение, горизонт планирования, кросс-культурные различия.

* Исследование выполнено при поддержке РФФИ в рамках проекта № 19-29-07463.

Большие вызовы, на которые должно ответить российское общество, в том числе на рост продолжительности жизни, трансформацию профессий под влиянием автоматизации, переход к непрерывному образованию, - все это требует долгосрочно ориентированного планирования людьми своей жизни. Принятые и обсуждаемые в России программы социальных и экономических реформ, например, пенсионная реформа, рассчитаны на длительные периоды времени и поначалу могут приводить не к улучшению, а к ухудшению положения населения. Для их реализации необходимо формирование долгосрочной ориентации, увязывание частных интересов с долгосрочными целями государства (Аузан, 2015; Аузан и др., 2020). Между тем, эмпирические исследования свидетельствуют о том, что российское общество характеризуется краткосрочным планированием жизни и неопределенностью будущего (Нестик, 2016; Нестик, Журавлев, 2019; Федоров, 2020).

В настоящее время сложилось острое противоречие между потребностью в институциональных инструментах формирования долгосрочной ориентации и отсутствием таких рекомендаций по ее развитию, которые были бы обоснованы результатами социально-психологических исследований. *Цель данной статьи* состоит в том, чтобы наметить перспективы таких исследований, опираясь на анализ существующих подходов к изучению долгосрочной ориентации в социогуманитарных науках, а также с опорой на авторские представления о структуре, предпосылках и психологических функциях этого феномена.

Подходы к изучению долгосрочной ориентации в социогуманитарных науках

В нейронауках и когнитивной психологии *долгосрочная и краткосрочная ориентации* изучаются в рамках исследований *межвременного выбора* и феномена *дисконтирования будущего*, которые имеют нейропсихологические основания (Berns et al., 2007; Ключарев и др., 2011). При принятии

экономических решений доходы дисконтируются по более высокой ставке, чем возможные потери, - так называемый «эффект маркировки» (Thaler, 1981). Дисконтирование будущих *выгод* и *рисков*, по-видимому, подчиняется разным психологическим механизмам. Например, уровень *рефлексивности* личности прямо связан с готовностью откладывать вознаграждение, но не оказывает влияния на выбор между потерями сейчас и потерями в будущем (Hardisty et al., 2013). Данные нейробиологии указывают на различия между когнитивными механизмами дисконтирования будущего и избегания потерь: у испытуемых, подверженных эффекту маркировки, наблюдается более высокая мозговая активность при росте величины и ожидании потерь, чем при увеличении выгод и времени их ожидания (Tanaka et al., 2014). Иными словами, угрозы потерь, как сейчас, так и в долгосрочном будущем, оказываются более значимым аргументом, чем отдаленные выгоды. По мере увеличения временной дистанции недооценка будущего растет неравномерно и в долгосрочном горизонте уменьшается (Frederick et al., 2002). При этом ориентация на будущее влияет на дисконтирование будущих выгод, но не на дисконтирование потерь (Li et al., 2018).

В эволюционной психологии долгосрочная ориентация рассматривается как *результат длительной эволюции* (Stevens, 2011). В рамках концепции ментального путешествия во времени она рассматривается как способность людей к воображению себя и других в отдаленном будущем, развившаяся в ходе эволюции благодаря языку (Suddendorf, 2013; Corballis, 2019). Расширение временной перспективы у людей происходило за счет развития доверия и кооперации, постепенно подкрепляясь общей моралью и верой в единого бога (Baumeister, 2016). Еще одним эволюционным фактором долгосрочной ориентации, по-видимому, являлись климатические и географические условия, которые обеспечивали высокую отдачу от труда, вложенного в агрокультурные работы в доисторических обществах и способствовали формированию языковых категорий, отражающих ориентацию на будущее (Galor, Özak, 2016). С точки

зрения эволюционно-биологической теории жизненных стратегий, долгосрочная ориентация характерна для медленной жизненной стратегии и обусловлена стабильными, благоприятными условиями окружающей среды (Csathó, Birkás, 2018). В рамках когнитивной теории темпорального конструирования долгосрочная ориентация рассматривается как использование абстрактного мышления, развитие которого в результате эволюции позволило нам принимать во внимание отдаленные во времени и пространстве явления (Lieberman, Trope, 2014; Trope et al., 2020).

В психологии личности *долгосрочная ориентация* связывается с *мотивационно-волевыми характеристиками, процессами целеполагания* и особенностями *временной перспективы*. Неоднократно обращалось внимание на внутреннюю противоречивость долгосрочной ориентации и вообще ориентации на будущее, которые объединяют в себе когнитивные и мотивационные феномены (Trommsdorff, 1983). Эта противоречивость отмечается в хорошо известной по «зефирным экспериментам» У. Мишела традиции исследований отложенного вознаграждения (Mischel, 1996; Reynolds, 2006), под которым понимается способность пренебрегать удовлетворением текущих потребностей ради награды в отдаленном будущем, тесно связанная с процессами саморегуляции и проявляющаяся в разных сферах жизнедеятельности. Многочисленные исследования показали, что ориентация на отложенное вознаграждение связана с самоконтролем, уровнем интеллекта, эмоциональной стабильностью, добросовестностью, ориентацией на достижения, самооффективностью, доброжелательностью, доверием и альтруизмом, а ее низкий уровень является предпосылкой низкой академической успеваемости, избыточного веса, наркотической и алкогольной зависимости, рискованного сексуального поведения, задолженности по потребительским кредитам, криминального поведения (Hoerger et al., 2011; Figlio et al., 2017). Исследования, проведенные на основе концепции временной перспективы Ф. Зимбардо,

показывают, что ориентация на планирование будущего обратно связана с ориентацией на фаталистическое настоящее и положительно связана с ориентацией на позитивное прошлое (Зимбардо, Бойд, 2010). Долгосрочная ориентация интерпретируется также как социальная генеративность, то есть забота о будущих поколениях по Э. Эриксону (Hofer et al., 2014; Morselli, Passini, 2015). Наконец, долгосрочная ориентация нередко понимается как ориентация личности на учет будущих последствий своих действий (Strathman et al., 1994; Joireman, King, 2016). Накоплено большое количество эмпирических подтверждений влияния учета будущих последствий на академическую успешность, покупательское и финансовое поведение, отношение к окружающей среде, заботу о своем здоровье (Joireman et al., 2006; Arnocky et al., 2014; Joireman, King, 2016; Murphy, Dockray, 2018).

В психологии межличностных и межгрупповых отношений под долгосрочной ориентацией принято понимать *воспринимаемую степень взаимозависимости результатов*, при которой отношения оцениваются как выгодные для обеих сторон в долгосрочной перспективе (Kelly, Thibaut, 1978; Ganesan, 1994; Позняков, 2018; He, Sun, 2020). Стороны социального обмена, характеризующиеся краткосрочной ориентацией, озабочены лишь возможностями и результатами текущего времени, тогда как стороны с долгосрочной ориентацией стремятся к получению как непосредственной, так и будущей выгоды от отношений.

Долгосрочная ориентация в экономической психологии и маркетинговых исследованиях понимается, как правило, в соответствии с интерпретацией, предложенной Г. Хофтедом, то есть как *ценность целостного восприятия времени*, признания значимости как прошлого, так и будущего, в отличие от сосредоточения усилий на требованиях текущего момента или краткосрочной перспективе (Bearden et al., 2006). Выявлена связь долгосрочной ориентации с бережливостью и планированием в потребительском поведении (Lastovicka et al.,

1999), ответственным долговым поведением (Bearden et al., 2006; Park, 2017; Ganzach, Amar, 2017; Гагарина, 2018), восприятием высокотехнологичных продуктов (Jung et al., 2020).

В организационной психологии и психологии предпринимательства долгосрочная ориентация понимается как *склонность учитывать долгосрочные последствия решений* и отдавать предпочтение действиям, которые принесут плоды в отдаленном будущем (Lumpkin et al., 2010; Durach., Wiengarten, 2017; Sherf et al., 2019). Долгосрочная ориентация осмысливается как сложный, многомерный феномен, включающий в себя несколько конструктов: непрерывность, ориентацию на будущее и упорство (Lumpkin, Brigham, 2011). Под непрерывностью понимается склонность предпринимателей и руководителей ценить то, что создается надолго, возможность оставить длительный след. Ориентация на будущее - это убеждение в полезности планирования, прогнозирования и учета отдаленных последствий предпринимаемых в данный момент действий. Наконец, упорство рассматривается как убеждение в том, что сегодняшние усилия будут вознаграждены в будущем. Контент-анализ корпоративных обращений к акционерам показал, что эти три измерения более выражены в семейном бизнесе, а также в компаниях, ориентированных на инновации (Brigham et al., 2014). Эти данные хорошо согласуются с другими исследованиями, в которых было обнаружено, что долгосрочная ориентация, наряду с индивидуализмом и гибкостью, положительно связана с инновационностью (Flammer, Bansal, 2017; Bukowski, Rudnicki, 2019). В ряде исследований долгосрочная ориентация понимается также как способность руководителей, управленческих команд и организации к изменению своей деятельности на основе анализа информации о возможной динамике в будущем (Нестик, 2014, 2018; Tapinos, 2019).

В кросс-культурных исследованиях под долгосрочной ориентацией принято понимать *ориентацию на получение выгод в будущем* и *планирование*,

предполагающее настойчивость и упорство в настоящем, а также уважительное отношение к традициям прошлого, сочетание которых является одним из предикторов экономического роста (Hofstede, Bond, 1988). Схожий по смыслу конструкт выделяют в своей *концепции социальных аксиом* М. Бонд и К. Леонг, называя его *верой в вознаграждение усилий* (Leung, Bond, 2010). Сопоставление данных кросс-культурных исследований по 73 странам позволило выявить две универсальные характеристики временной перспективы: *ориентацию на будущее* (значимость будущего) и *долгосрочную ориентацию* (планирование долгосрочных целей и упорство в их достижении). При этом именно значимость будущего оказалась прямо связана с уровнем экономического развития (Milfont, Garski, 2010). Кросс-культурное исследование по 24 странам обнаружило связь долгосрочной ориентации с позитивной оценкой прошлого и низкой выраженностью гедонистического настоящего, но не с ориентацией на будущее (Sirsova et al., 2015).

Отдельной научной проблемой являются операционализация и измерение долгосрочной ориентации. Например, исследование, проведенное Институтом национальных проектов в 2016-2017 гг. среди 1325 сотрудников организаций, осуществляющих свою деятельность в финансовой сфере, не выявило статистически значимых различий между 13 российскими регионами по шкале долгосрочной ориентации Г. Хофстеда, за исключением Свердловской и Томской областей, а также Республики Адыгея (*Социокультурные факторы...*, 2017). Измеряемая по методике Хофстеда долгосрочная ориентация в России является высокой, однако не сопряжена с экономическим ростом. Индексы долгосрочной ориентации по Хофстеду и ориентации на будущее, измеряемой в рамках проекта GLOBE, не совпадают (Venaik et al., 2013), расходятся они и с результатами опроса European Social Survey, в котором долгосрочная ориентация измеряется как склонность планировать свою жизнь (ESS, 2006). Несмотря на ряд попыток разработать альтернативные методики, измеряющие долгосрочную

ориентацию в интерпретации Хофстеда, их дискриминантные характеристики по-прежнему оставляют желать лучшего (Bearden et al., 2006; Hassan et al., 2011; Brigham et al., 2014). В кросс-культурной психологии неудовлетворенность исследователей внутренней противоречивостью предложенного Хофстедом и М. Бондом конструкта долгосрочной ориентации и неоднозначностью его влияния на другие межстрановые различия привела к попыткам отказаться от его использования. Так, например, исследовательская группа с участием ряда последователей и соавторов Хофстеда предложила заменить в кросс-культурных исследованиях измерение «долгосрочно-краткосрочной ориентации» на измерение «гибкости-монументализма» (Minkov et al., 2018).

Внутренняя сложность феномена долгосрочной ориентации приводит к неожиданным для исследователей результатам. Так, например, было обнаружено негативное влияние долгосрочной ориентации на готовность к использованию новых цифровых финансовых технологий, связанное с нежеланием пользователей отказываться от долгосрочных личных отношений с сотрудниками банков (Huang, 2017). Связь долгосрочной ориентации и уровня коррупции также оказалась нелинейной (Lanier, Kirchner, 2018).

Есть основания предполагать, что долгосрочная ориентация может быть одной из *предпосылок соблюдения этических норм* (см., например: Купрейченко, Журавлев, 1999; и др.), хотя данные эмпирических исследований этой связи остаются противоречивыми. Так, оказалось, что ориентации на традиции и планирование опосредуют влияние консервативных ценностей и трудовой этики на формирование этического поведения (Nevins et al., 2007). Вместе с тем, кросс-культурные исследования не подтверждают этой связи: различия в уровне долгосрочной ориентации между руководителями Индии, Кореи и США не оказывали влияния на следование этическим правилам при принятии решений (Christie et al., 2003); не было выявлено влияния долгосрочной ориентации и на

уровень утилитаризма при принятии этических решений между работниками американских и пуэрториканских компаний (Fok et al., 2016).

Исследование, проведенное среди слушателей программы MBA в США, также не подтвердило влияния индивидуальных различий в долгосрочной ориентации на решение моральных дилемм (Payne et al., 2016). Другое исследование на выборке из 66 стран выявило отрицательную связь между ориентацией на будущее и просоциальным поведением (Luria et al., 2015). В еще одном исследовании было установлено, что долгосрочная ориентация негативно влияет на готовность личности оказывать помощь незнакомцам, но коллективизм и высокая терпимость к нарушению норм могут это негативное влияние ослабить (Guo et al., 2018). Возможно, отрицательная связь между помощью незнакомцам и долгосрочной ориентацией объясняется тем, что представители долгосрочно ориентированных культур более склонны уделять внимание долгосрочным отношениям, выстраиванию личных связей, и таким образом более подвержены ингрупповому фаворитизму и менее склонны завязывать отношения с незнакомцами (Hofstede, Minkov, 2010).

Как нам представляется, другое объяснение этой противоречивой связи может состоять в том, что ориентация на традиции ограничивает радиус доверия и может сдерживать просоциальное поведение в отношении незнакомцев, тогда как ориентация на планирование будущего и учет последствий подталкивает личность к кооперации и обмену ресурсами. В одном из исследований было обнаружено, что ориентация на учет будущих последствий положительно связана со склонностью делиться ресурсами при решении социальных дилемм (Kortenkamp, Moore, 2006). В лонгитюдном исследовании участники эксперимента, решавшие социальную дилемму с отложенными последствиями, проявляли большую щедрость, чем испытуемые, для которых решение дилеммы влекло за собой конкретные последствия (Kölle, Wenner, 2018).

Серия экспериментов с участием взрослых в США показала, что ориентация испытуемых на будущее положительно влияет на щедрость при пожертвованиях и готовность к участию в добровольческой деятельности, причем эта связь опосредуется заботой личности о своей репутации (Sjåstad, 2019). Иными словами, долгосрочная ориентация влияет на просоциальное поведение через накопление социального капитала. На наш взгляд, эти данные указывают, что неоднозначность связи между нравственно-психологическими характеристиками личности и долгосрочной ориентацией объясняется многомерностью данного феномена.

Таким образом, анализ научной литературы показывает, что понятие долгосрочной ориентации на личном и групповом уровне является «зонтичным» для целого ряда когнитивных и мотивационных феноменов, соотношение которых до сих пор требует прояснения.

Структура, предпосылки и психологические функции долгосрочной ориентации

На основании проведенного нами анализа долгосрочную ориентацию можно определить как *значимость для личности и группы долгосрочного целеполагания, прогнозирования и планирования, достижения и сохранения устойчивых к изменениям результатов своей и чужой деятельности, а также учета долгосрочных последствий этой деятельности для себя, других людей и окружающей среды.*

На наш взгляд, долгосрочная ориентация является «зонтичным» *конструктом*, объединяющим, с одной стороны, ряд *характеристик временной перспективы*, а с другой - *определенные ценностные ориентации*. Долгосрочную ориентацию следует рассматривать как диспозиционную индивидуальную и групповую характеристику, многомерный феномен, включающий ценностно-мотивационные, когнитивные, аффективные и

поведенческие компоненты. К ее *ценностно-мотивационным компонентам* могут быть отнесены ориентация на отложенное вознаграждение и выраженность дисконтирования будущего, ценность преемственности, устойчивых к времени достижений и следа в истории, ценность непрерывного саморазвития, ценность прогнозирования будущего, ценность долгосрочного целеполагания и планирования, ценность долгосрочных отношений, ответственность перед будущими поколениями. К *когнитивным компонентам* относятся протяженность временной перспективы, горизонт планирования, убеждение в возможности влиять на отдаленное будущее и прогнозировать его, убеждение в том, что затраченные усилия будут вознаграждены в будущем. Среди *аффективных компонентов* можно выделить удовольствие от фантазирования в отношении долгосрочного будущего, интерес к долгосрочным прогнозам и оптимизм в отношении долгосрочного будущего. Наконец, к *поведенческим компонентам* можно отнести постановку долгосрочных целей, ориентацию на учет долгосрочных последствий, поиск информации о долгосрочном будущем, готовность обсуждать его с друзьями и коллегами и ориентацию на приобретение товаров длительного пользования.

Различия в выраженности разных компонентов долгосрочной ориентации позволяют говорить о существовании разных ее *типов*. Одним из оснований теоретической типологии долгосрочной ориентации может быть разграничение *инструментальной и терминальной ценности отдаленного будущего*. Например, для «планирующего» типа ключевой характеристикой является ориентация на долгосрочное планирование жизнедеятельности и учет долгосрочных последствий при принятии решений. Для «традиционалистского» типа долгосрочность является прежде всего гарантией преемственности и следования сложившимся нормам. Иными словами, для этих типов ориентация на долгосрочное будущее носит инструментальный характер. Вместе с тем, можно предположить, что существуют и терминальные типы долгосрочной

ориентации. Так, например, «визионерский» тип характеризуется прежде всего отдаленностью поставленных целей, а «инновационный» - значимостью саморазвития на протяжении всей жизни. Для этих типов долгосрочное будущее значимо как терминальная ценность, как часть их личной идентичности. Другим основанием такой типологии может быть соотношение *индивидуального и коллективного* в конструировании долгосрочного будущего. Так, можно предположить, что наряду с «экономическим» типом, который характеризуется высокой значимостью отложенного личного вознаграждения, существует «ответственный» тип долгосрочной ориентации с высокой выраженностью заботы о будущих поколениях, стремлением оставить след в истории своего сообщества или организации.

В соответствии с уровнями социально-психологического анализа, *предпосылки формирования долгосрочной ориентации* можно сгруппировать в несколько категорий: внутриличностные, межличностные, групповые, межгрупповые и социетальные, в том числе экономические, социально-политические, демографические, технологические и экологические. Среди *внутриличностных* предпосылок можно выделить открытость к новому и добросовестность (Hoerger et al., 2011; Park et al., 2017), низкую импульсивность и высокую рефлексивность (Berns et al., 2007; Hardisty et al., 2013; Joireman, King, 2016), уровень религиозности, диспозиционный оптимизм, высокий уровень генерализованного доверия и низкую выраженность социального цинизма, просоциальные установки и убеждение в дружественности мира (Нестик, 2016), уровень эмпатии, низкую выраженность фатализма, ориентацию на позитивное прошлое и уровень сбалансированности временной перспективы (Зимбардо, Бойд, 2010), самоэффективность, а также ориентацию на использование проблемно-ориентированных стратегий совладания (подробнее см.: Психология .. стресса ..., 2016; и др.). Следует учитывать и социально-демографические характеристики личности, такие как наличие детей, уровень образования,

экономический статус (Yang, 2016). К *межличностным* предпосылкам долгосрочной ориентации можно отнести длительность отношений и уровень межличностного доверия, удовлетворенность уровнем социальной поддержки, разнородность и объем сети личных связей (Нестик, 2016; Burt, 2017). *Внутригрупповые* предпосылки включают в себя позитивную групповую идентичность, ориентацию лидера на формирование командного видения, позитивные коллективные эмоциональные состояния, групповую рефлексивность, групповую самооэффективность и высокий уровень внутригруппового доверия (Нестик, 2014). К *межгрупповым* предпосылкам долгосрочной ориентации относятся низкая выраженность аутгрупповой дискриминации, высокое аутгрупповое доверие и низкая ориентация на радикальный авторитаризм.

Анализ *социетальных* предпосылок долгосрочной ориентации позволяет выделить несколько групп факторов. Культурные предпосылки долгосрочной ориентации включают уровень избегания неопределенности и индивидуализма, однако данные о направленности их влияния носят противоречивый характер (Maddux, Yuki, 2006; Wang et al., 2011; Minkov et al., 2018). В экономике факторами краткосрочной ориентации предприятий является переход к рецессии, высокая стоимость долгосрочных кредитов и негативный инвестиционный климат, неэффективная система государственного планирования (Полтерович, 2020; Barthalon, 2014). Кросс-культурные исследования выявили прямую связь между долгосрочной ориентацией и экономическим ростом (Hofstede, Minkov, 2010).

Анализ поисковых запросов в Google из 45 стран также показывает, что интерес к будущему прямо коррелирует с уровнем ВВП на душу населения (Preis et al., 2012). Ориентация потребителей на долгосрочное будущее также поддерживается конкуренцией между высокотехнологичными компаниями, которые стремятся создать в массовом сознании привлекательные образы

отдаленных последствий технологического прогресса (Lösch et al., 2019). При этом долгосрочная ориентация усиливается персонализацией услуг, распространением бизнес-моделей, основанных на отказе от обладания в пользу доступности, то есть на продукте как услуге, использованием распределенной промышленной кооперации, а также развитием экономики платформ - посредников, которые сводят производителей и потребителей, как, например, Uber и Airbnb, и видоизменяют конкуренцию: основные усилия смещаются с повышения потребительской ценности к максимизации ценности экосистемы, т.е. к координации обмена ресурсами ее членов. Эти экономические факторы повышают потребность в формировании долгосрочных деловых отношений, приводят к росту ценности репутации и социально ответственного подхода к ведению бизнеса. Вместе с тем развитие гигэкономки, то есть работы в интернете, на протяжении 2010-х гг. вызвало рост численности прекариата, то есть людей, не имеющих стабильной и полной трудовой занятости, и поэтому характеризующихся преимущественно краткосрочным горизонтом планирования.

Социально-политические факторы приходится рассматривать сегодня как сдерживающие долгосрочную ориентацию. Одним из важнейших трендов последнего десятилетия стал рост социального пессимизма и снижение доверия к социальным институтам (см. также: Доверие и недоверие в условиях ..., 2013; и др.). Международные исследования свидетельствуют о том, что в развитых странах большинство уже не верит в то, что жизнь их детей будет лучше, чем их собственная (The Governance for Happiness, 2019); участники опросов считают, что государство не справляется со своими обязательствами, причем в России уровень доверия к государству оказался относительно низким - на уровне 30% (Edelman Trust Barometer, 2020). Существенную лепту в снижение горизонта планирования вносит неопределенность, связанная с глобальными рисками (подробнее см.: Журавлев, Нестик, 2018 и др.). Например, по данным ВЦИОМ, в период пандемии COVID-19 число россиян, не строящих долгосрочных

планов, возросло, по сравнению с 2019 г., на 25% (Родин, 2020). При этом к июню 2020 г. 62% россиян считали, что худшие времена впереди; доля респондентов, способных представить себе свое будущее не больше, чем на несколько месяцев, выросла на 10% (45% в 2020 г. по сравнению с 35% в 2019 г.), тогда как доля людей, способных представить свое будущее через 6 лет и более, не изменилась, оставшись на уровне 14% в 2020 и в 2019 гг. (Федоров, 2020). К этим факторам можно добавить рассогласованность системы государственного стратегического управления в России, а также высокий политический цинизм, неверие большинства в возможность влияния на ситуацию в нашей стране. Еще одним социальным фактором, усиливающим краткосрочную ориентацию, является хронический дефицит времени на досуг и размышления об отдаленном будущем, феномен, получивший название «временная бедность» (Giurge, 2020). Влияние *социально-демографических* факторов носит противоречивый характер. Так, старение населения сокращает долгосрочную ориентацию, но рост продолжительности жизни, увеличение пенсионного возраста и повышение социальной генеративности пожилых людей могут ее увеличивать. Наконец, не менее противоречивыми являются эффекты развития технологий. Внедрение систем искусственного интеллекта, виртуальной и дополненной реальности приводит к созданию «когнитивных протезов», облегчающих планирование и преодоление эффектов дисконтирования будущего (Lieder et al., 2019). С другой стороны, мгновенный доступ к контенту и услугам, интернет-торговля, развитие иммерсивных развлекательных технологий снижает ориентацию на отложенное вознаграждение.

Можно выделить несколько *психологических функций* долгосрочной ориентации: во-первых, *идентификационную*, связанную с поддержанием переживания непрерывности и самотождественности личности и группы во времени; во-вторых, *защитную*, связанную с поддержкой жизнеспособности, позитивной самооценки, облегчением саморефлексии и выбора конструктивных

стратегий совладания в трудных жизненных ситуациях; в-третьих, *интегративную*, которая проявляется в поддержке формирования долгосрочных межличностных, внутригрупповых и межгрупповых отношений, доверия и социальной поддержки; в-четвертых, *ценностную*, связанную с поддержкой ориентации на соблюдение моральных норм и решения моральных дилемм в пользу общего блага, повышением социальной ответственности личности и группы, а также облегчением межпоколенческой трансмиссии ценностей и следования традициям; и, наконец, *преадаптационную* функцию, выражающуюся в расширении репертуара возможных образцов поведения, решений и жизненных стратегий, доступных личности и группе для ответа на различные локальные и глобальные вызовы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ: ПЕРСПЕКТИВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ

Несмотря на признание значимости феномена долгосрочной ориентации для устойчивого развития общества, а также для формирования человеческого капитала на корпоративном, региональном и национальном уровне, по поводу структуры, предикторов, способов измерения, а также эффектов долгосрочной ориентации в науке не сложилось общего, разделяемого многими мнения. Исследователями данное понятие используется в разных смыслах, что приводит к противоречиям в эмпирических результатах.

Подводя итоги проведенного выше анализа, можно констатировать необходимость изучения долгосрочной ориентации как многомерного социально-психологического феномена, не сводимого к сохранению традиций и долгосрочному планированию. На наш взгляд, можно выделить несколько перспективных направлений междисциплинарных исследований долгосрочной ориентации личности и группы.

Во-первых, требуется дальнейшее уточнение структуры этого психологического феномена и соотношения входящих в него ценностно-

мотивационных, когнитивных, аффективных и поведенческих компонентов. В этой связи представляют особый интерес ситуации, когда ослабление одного из компонентов компенсируется другими. Например, в условиях высокой неопределенности может происходить сокращение горизонта планирования, однако протяженность временной перспективы в целом остается прежней или даже вырастает: в ситуациях, когда планирование затруднено, для некоторых людей долгосрочное будущее не теряет своей значимости, оно остается наполненным жизненными целями, служит ориентиром для принятия решений, является предметом надежды и основанием для сохранения позитивной самооценки.

Во-вторых, в рамках уточнения социально-психологических функций долгосрочной ориентации и ее влияния на разные сферы жизнедеятельности чрезвычайно важным становится построение ее эмпирической типологии. Наряду с предложенными нами типами могут быть выявлены более сложные сочетания выраженности различных компонентов долгосрочной ориентации, которые могут оказаться функциональными или дисфункциональными в зависимости от области деятельности, решаемой задачи, совместности и т.д.

В-третьих, малоизученными остаются социально-психологические предпосылки долгосрочной ориентации. Так, требуют большего внимания социальные факторы дисконтирования будущего, в том числе роль социального влияния, решения совместной задачи в динамике нейрофизиологических процессов, лежащих в основе дисконтирования. По-видимому, именно исследования «социального мозга» могут привести к прорыву в понимании эффектов дисконтирования будущих выгод и потерь. В области социальной психологии личности, важно прояснить, какую роль в ее формировании играют различные виды доверия (межличностное, генерализованное, институциональное), а также сопереживание другим людям, готовность личности посмотреть на ситуацию глазами других людей.

Нуждаются в уточнении представления о характеристиках социального капитала личности как одной из предпосылок долгосрочно ориентированного поведения. С одной стороны, ряд исследований указывают на то, что объем и разнородность сети очных и виртуальных личных контактов повышают ориентацию на будущее (Нестик, 2014; Vurt, 2017). При этом значимость дружеских отношений связана с ориентацией на гедонистическое настоящее (Зимбардо, Бойд, 2010). С другой стороны, тесные доверительные связи облегчают формирование долгосрочных отношений, получение социальной поддержки и постановку отдаленных целей. Остается открытым вопрос о том, какие функции слабые и сильные социальные связи играют в формировании различных компонентов долгосрочной ориентации. Чрезвычайно перспективными представляются исследования того, какую роль в формировании долгосрочной ориентации личности играют дескриптивные нормы, то есть как представление о том, насколько долгосрочно ориентированным является большинство других членов группы, в том числе то, как представление личности о том, как коллеги по работе или другие россияне в целом относятся к долгосрочным прогнозам и планам.

В-четвертых, необходимо уточнить, какой вклад долгосрочная ориентация личности и группы вносит в их жизнеспособность. Это направление исследований становится особенно востребованным в связи с нарастанием глобальных рисков и повышением уровня неопределенности среднесрочного и долгосрочного будущего. Ориентация на долгосрочное будущее может быть ресурсом совладания при переживании трудно контролируемой угрозы. В этой связи чрезвычайно важно выяснить, как долгосрочная ориентация связана с проблемно-фокусированными и аффективно-ориентированными стратегиями копинга, в том числе с переосмыслением, принятием ситуации, обращением к социальной поддержке. Многообещающими в этой связи могут быть исследования связи краткосрочной и долгосрочной ориентации с превентивным

и проактивным копингом в условиях пандемии COVID-19 и связанного с ней экономического кризиса (Нестик, 2020).

В-пятых, благодаря развитию технологий анализа больших данных, появляется возможность изучения не только межкультурных различий в уровне отдельных показателей долгосрочной ориентации, но и их историческую динамику. С одной стороны, долгосрочная ориентация, - измеряемая на основе цифровых следов интернет-пользователей, в том числе сообщений в социальных сетях и поисковых запросов, - может рассматриваться как одно из измерений макропсихологического состояния общества. С другой стороны, анализ текстов позволяет связать динамику выраженности долгосрочной ориентации той или иной культуры с другими социальными и экономическими показателями на протяжении длительных периодов времени. Это направление исследований открывает путь к пониманию макроэкономических и культурно-исторических факторов формирования различных типов долгосрочной ориентации и механизмов ее влияния на другие макропсихологические характеристики (подробнее см.: Макропсихология... 2009; Юревич, Журавлев, 2012; и др.).

В-шестых, чрезвычайно перспективным является продолжение исследований, направленных на изучение краткосрочной и долгосрочной ориентации в различных сферах жизнедеятельности личности. Очевидно, долгосрочная ориентация может быть парциальной, проявляться в одних жизненных ситуациях и отношениях, и не проявляться в других. Изучение зависимости от контекста, индивидуальной и групповой вариативности долгосрочной ориентации требует обращения к экспериментальным и лонгитюдным исследованиям.

Наконец, изучение феномена долгосрочной ориентации в социогуманитарных науках неизбежно ставит вопрос о различиях ее структуры и характеристик на индивидуальном и групповом уровнях. Очевидно, долгосрочная ориентация группы и организации может демонстрировать

феноменологию, отличающуюся от ее проявлений на уровне личности. Одним из перспективных направлений исследований в этой связи является уточнение связи долгосрочной ориентации личности с характеристиками коллективного образа будущего. Здесь в поле внимания исследователей оказывается широкий круг вопросов: от традиционных, например, о влиянии социального оптимизма и потребительских ожиданий на горизонт планирования, до новых и мало изученных. Какие социально-психологические механизмы связывают долгосрочную ориентацию с коллективными страхами и надеждами в условиях неопределенности? Как на долгосрочную ориентацию воздействуют различные стили лидерства, коллективные эмоции, а также включенность личности в рефлексию коллективного прошлого и будущего? Как долгосрочная ориентация личности связана с верой в способность влиять на будущее через коллективные действия в составе своей группы?

Эти и другие вопросы в изучении долгосрочной ориентации требуют междисциплинарных исследований, объединения усилий не только представителей различных отраслей психологии, но и других социогуманитарных наук - философии, социологии, политологии, экономики, лингвистики, культурной антропологии и истории.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аузан А.А.* Стратегия долгосрочного развития России: новизна подхода // Научные труды Вольного экономического общества России. 2015. Т. 196. С. 229-241.
- Аузан А.А., Бахтигараева А.И., Брызгалин В.А., Золотов А.В., Никишина Е.Н., Припузова Н.А., Ставинская А.А.* Социокультурные факторы в экономике: пройденные рубежи и актуальная повестка // Вопросы экономики. 2020. № 7. С. 75-91. DOI:10.32609/0042-8736-2020-7-75-91.
- Гагарина М.А.* Чувство долга и долговое поведение россиян с различным уровнем финансовой грамотности // Институт психологии Российской

академии наук. Социальная и экономическая психология. 2018. Т. 3. № 3(11). С. 179-198. URL: <http://soc-econom-psychology.ru/cntnt/bloks/dop-menu/archive/n2018/t3-3/s18-3-09.html> (дата доступа: 15.07.2020).

Доверие и недоверие в условиях развития гражданского общества / Отв. ред. А.Б. Купрейченко, И.В. Мерсиянова. М.: Изд-во НИУ ВШЭ, 2013.

Журавлев А.Л., Нестик Т.А. Отношение к глобальным рискам: социально-психологический анализ // Психологический журнал. 2018. Т. 39. № 1. С. 127-138.

Зимбардо Ф., Бойд Дж. Парадокс времени. СПб.: Речь, 2010.

Ключарев В.А., Шмидс А., Шестакова А.Н. Нейроэкономика: нейробиология принятия решений // Экспериментальная психология. 2011. Т. 4. № 2. С. 14-35.

Купрейченко А.Б., Журавлев А.Л. Отношение современных российских предпринимателей к морально-этическим нормам делового поведения // Социально-психологические исследования руководства и предпринимательства / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.В. Шорохова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1999. С. 89-109.

Макропсихология современного российского общества / Отв. ред. А.Л. Журавлев, А.В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.

Нестик Т.А. Социальная психология времени. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014.

Нестик Т.А. Психологические аспекты корпоративного форсайта // Форсайт. 2018. Т. 12. № 2. С. 78-90. DOI: 10.17323/2500-2597.2018.2.78.90.

Нестик Т.А. Социально-психологические механизмы долгосрочной ориентации // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2016. Т. 1. № 4(4). С. 16-60. <http://soc-econom-psychology.ru/cntnt/bloks/dop-menu/archive/g16/t1-4/s16-4-02.html> (дата доступа: 20.06.2020).

Нестик Т.А. Влияние пандемии COVID-19 на общество: социально-психологический анализ // Институт психологии Российской академии

наук. Социальная и экономическая психология. 2020. Т. 5. № 2(18). URL: <http://soc-econom-psychology.ru/cntnt/bloks/dop-menu/archive/n2020/t5-2/n20-02-02.html> (дата доступа: 10.07.2020).

Нестик Т.А., Журавлев А.Л. Коллективный образ будущего в условиях неопределенности как вызов. М.: Ленанд, 2019. С. 295-311.

Позняков В.П. Психологические отношения индивидуальных и групповых субъектов совместной экономической деятельности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018.

Полтерович В.М. Реформа государственной системы проектной деятельности, 2018–2019 годы // Terra Economicus. 2020. 18(1). С. 6-27. DOI: 10.18522/2073-6606-2020-18-1-6-27.

Психология повседневного и травматического стресса: угрозы, последствия и совладание. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.

Родин К. Летний отдых-2020 в эпоху пандемии и экономического кризиса // ВЦИОМ. 2020. URL: https://wciom.ru/fileadmin/file/reports_conferences/2020/2020-05-25_Letnii___otdykh_2020.pdf (дата доступа: 20.6.2020).

Социокультурные факторы инновационного развития и успешной имплементации реформ. М.: Центр стратегических разработок, 2017.

Федоров В. Общественные настроения в России в ситуации коронакризиса // ВЦИОМ, 2020. URL: https://wciom.ru/fileadmin/file/reports_conferences/2020/2020-06-16_Lenskii_klub.pdf (дата доступа - 20.6.2020).

Юревич А.В., Журавлев А.Л. Макропсихологическое состояние современного российского общества // Экономическая наука современной России. 2012. № 2 (57). С. 137-140.

Antonczyk R., Breuer W., Salzmann A. Long-Term Orientation and Relationship Lending: A Cross-Cultural Study on the Effect of Time Preferences on the Choice of Corporate Debt // Management International Review. 2014. V. 54. № 3. P. 381-415.

Arnocky S., Milfont T.L., Nicol J.R. Time Perspective and Sustainable Behavior: Evidence for the Distinction Between Consideration of Immediate and Future Consequences // *Environment and Behavior*. 2014. V. 46(5). P. 556-582. DOI:10.1177/0013916512474987.

Bartholon E. Uncertainty, Expectations and Financial Instability: Reviving Allais's Lost Theory of Psychological Time. N.Y.: Columbia University Press, 2014.

Baumeister R. Collective Propection: The Social Construction of the Future // *Seligman M., Railton P., Baumeister R., Sripada Ch. Homo prospectus*. Oxford - N.Y.: Oxford University Press, 2016. P. 133-153.

Bearden W.O., Money R.B., Nevins J.L. A measure of long-term orientation: Development and validation // *Journal of the Academy of Marketing Science*. 2006. V. 34. P. 456-467. DOI: 10.1177/0092070306286706.

Berns G. S., Laibson D., Loewenstein G. Intertemporal choice - toward an integrative framework // *Trends in Cognitive Sciences*. 2007. V. 11(11). P. 482-488. DOI: 10.1016/j.tics.2007.08.011.

Brigham K.H., Lumpkin G.T., Payne G.T., Zachary M.A. Researching Long-Term Orientation: A Validation Study and Recommendations for Future Research // *Family Business Review*. 2014. V. 27(1). P. 72-88. DOI: 10.1177/0894486513508980.

Bukowski A., Rudnicki S. Not Only Individualism: The Effects of Long-Term Orientation and Other Cultural Variables on National Innovation Success // *Cross-Cultural Research*, 2019. V. 53(2). P. 119-162. DOI: 10.1177/1069397118785546.

Burt R. Social network and temporal discounting // *Network Science*. 2017. V. 5(4). P. 411-440. DOI: 10.1017/nws.2017.23.

Christie P.M.J., Kwon I.G., Stoeberl P.A. et al. A Cross-Cultural Comparison of Ethical Attitudes of Business Managers: India Korea and the United States // *Journal of Business Ethics*. 2003. V. 46, 263-287. DOI:10.1023/A:1025501426590

- Corballis M.C.* Mental time travel, language, and evolution // *Neuropsychologia*. 2019. V. 134. P. 107-202. DOI: 10.1016/j.neuropsychologia.2019.107202.
- Csathó Á., Birkás B.* Early-Life Stressors, Personality Development, and Fast Life Strategies: An Evolutionary Perspective on Malevolent Personality Features // *Frontiers in psychology*. 2018. 9: 305. DOI: 10.3389/fpsyg.2018.00305.
- Durach Chr., Wiengarten F.* Environmental management: The impact of national and organisational long-term orientation on plants' environmental practices and performance efficacy // *Journal of Cleaner Production*. 2017. V. 167. P. 749-758.
- Edelman Trust Barometer 2020. Global Report. URL: <https://edl.mn/2NOwltm> (дата доступа: 10.07.2020).
- Figlio D., Giuliano P., Özek U., Sapienza P.* Long-Term Orientation and Educational Performance / CALDER Working Paper № 174. Washington, D.C: CALDER, 2017. URL: <https://files.eric.ed.gov/fulltext/ED572927.pdf> (дата доступа: 10.07.2020).
- Flammer C., Bansal P.* Does a long-term orientation create value? Evidence from a regression discontinuity // *Strategic Management Journal*. 2017. V. 38. № 9. P. 1827-1847.
- Fok L.Y., Payne D.M., Corey C.M.* Cultural Values, Utilitarian Orientation, and Ethical Decision Making: A Comparison of U.S. and Puerto Rican Professionals // *Journal of Business Ethics*. 2016. V. 134. P. 263-279. DOI: 10.1007/s10551-014-2426-y.
- Frederick S., Loewenstein G., O'Donoghue T.* Time discounting and time preference: a critical review // *Journal of Economic Literature*. 2002. V.40. N.2. P. 351-401.
- Galor O., Özak Ö.* The agricultural origins of time preference // *American Economic Review*. 2016. V. 106(10). P. 3064-3103. DOI: 10.1257/aer.20150020.
- Ganesan Sh.* Determinants of long-term orientation in buyer-seller relationships // *Journal of Marketing*, 1994. V. 58. № 2. P. 1-19.
- Ganzach Y., Amar M.* Intelligence and the repayment of high- and low-consequences debt // *Personality and Individual Differences*. 2017. V. 110. P. 102-108.

Giurge L.M., Whillans A.V., West C. Why time poverty matters for individuals, organisations and nations // *Nature Human Behaviour*. 2020. URL: <https://www.nature.com/articles/s41562-020-0920-z> (дата доступа 10.07.2020) DOI: 10.1038/s41562-020-0920-z.

Grijalva Th.C., Lusk J.L., Shaw W.D. Discounting the Distant Future: An Experimental Investigation // *Environmental & Resource Economics*. 2014. V. 59. P. 39-63.

Guo Q., Liu Zh., Li X., Qiao X. Indulgence and Long Term Orientation Influence Prosocial Behavior at National Level // *Frontiers in Psychology*. 2018. 9: 1798. DOI: 10.3389/fpsyg.2018.01798.

Hassan L.M., Shiu E., Walsh G. A multi-country assessment of the long-term orientation scale // *International Marketing Review*. 2011. V. 28. № 1. P. 81-101.

Hardisty D.J., Appelt K.C., Weber E.U. Good or bad, we want it now: Fixed-cost present bias for gains and losses explains magnitude asymmetries in intertemporal choice // *Journal of Behavioral Decision Making*. 2013. V. 26. P. 348-361.

He J., Sun L. Does continuity matter? Developing a new long-term orientation structure in a cross-cultural context: A study on supply chain relationships // *Industrial Marketing Management*. 2020. V. 88. P. 186-194.

Hoerger M., Quirk S.W., Weed N.C. Development and validation of the Delaying Gratification Inventory // *Psychological assessment*. 2011. V. 23(3). P. 725-738. DOI:10.1037/a0023286.

Hofer J., Busch H., Au A., Poláčková Šolcová I., Tavel P., Tsien Wong T. For the benefit of others: Generativity and meaning in life in the elderly in four cultures // *Psychology and Aging*. 2014. V. 29(4). P. 764-775. URL: <https://doi.org/10.1037/a0037762>.

Hofstede G., Bond M.H. The Confucius connection: From cultural roots to economic growth // *Organizational Dynamics*. 1988. V. 16(4). P. 4-21.

Hofstede G., Minkov M. Long- versus short-term orientation: new perspectives // *Asia Pacific Business Review*. 2010. V. 16. № 4. P. 493-504. DOI: 10.1080/13602381003637609.

Huang L.K. A Cultural Model of Online Banking Adoption: Long-Term Orientation Perspective // *Journal of Organizational & End User Computing*. 2017. V. 29. № 1. P. 1-22.

Joireman J., Strathman A., Balliet D. Considering future consequences: An integrative model // L. Sanna & E. Chang (Eds.), *Judgments over time: The interplay of thoughts, feelings, and behaviors*. Oxford: Oxford University Press, 2006. P. 82-99.

Joireman J., King S. Individual differences in the consideration of future and (more) immediate consequences: A review and directions for future research // *Social and Personality Psychology Compass*, 2016, 10(5), 313–326. DOI:10.1111/spc3.12252.

Jung T., Claudia M., Dieck T., Lee H., Chung N. Moderating Role of Long-Term Orientation on Augmented Reality Adoption // *International Journal of Human-Computer Interaction*. 2020. V. 36:3. P. 239-250. DOI: 10.1080/10447318.2019.1630933.

Kelly H.H., Thibaut J.W. *Interpersonal Relations: A Theory of Interdependence*. N.Y.: John Wiley & Sons, 1978.

Kölle F., Wenner L. Present-biased generosity: Time inconsistency across individual and social contexts (Discussion Paper № 2018-02) / The Centre for Decision Research and Experimental Economics, School of Economics, University of Nottingham, 2018. URL: <https://EconPapers.repec.org/RePEc:not:notcdx:2018-02> (дата доступа: 10.07.2020).

Kortenkamp K.V., Moore C.F. Time, uncertainty, and individual differences in decisions to cooperate in resource dilemmas // *Personality and Social Psychology Bulletin*, 2006. V. 32(5). P. 603-615. DOI: 10.1177/0146167205284006.

Lanier Ch., Kirchner M. Corruption and Culture: Empirical Analyses of Long-Term Indulgence and Corrupt Systems // Review of Business: Interdisciplinary Journal on Risk and Society. 2018. V. 38(2). P. 30-43.

Lastovicka J.L., Bettencourt L.A., Hughner R.S., Kuntze R.J. Lifestyle of the Tight and Frugal: Theory and Measurement // Journal of Consumer Research, 1999. V. 26 (June). P. 85-98.

Leung K., Bond M.H. Introduction // Psychological aspects of social axioms: understanding global belief systems. Ed. by K.Leung and M.H.Bond. N.Y.: Springer, 2010. P. 1–12.

Li T., Tan Y., Gong X., Yin S., Qiu F., Hu X. Future Time Perspective Impacts Gain-Related but Not Loss-Related Intertemporal Choice // Frontiers in psychology. 2018. 9:523. DOI: 10.3389/fpsyg.2018.00523.

Liberman N., Trope Y. Traversing psychological distance // Trends in Cognitive Sciences. 2014. V. 18 (7). P. 364–369. DOI: 10.1016/j.tics.2014.03.001.

Lieder F., Chen O.X., Krueger P.M., Griffiths T.L. Cognitive prostheses for goal achievement // Nature Human Behaviour. 2019. 3. P. 1096-1106. DOI: 10.1038/s41562-019-0672-9.

Lösch A., Grunwald A., Meister M., Schulz-Schaeffer I. Introduction: Socio-Technical Futures Shaping the Present // Lösch A., Grunwald A., Meister M., Schulz-Schaeffer I. (Eds.). Socio-Technical Futures Shaping the Present. Technikzukünfte, Wissenschaft und Gesellschaft // Futures of Technology, Science and Society. Springer VS, Wiesbaden, 2019. P. 1-14.

Lumpkin G.T., Brigham K.H., Moss T. Long-term orientation: Implications for the entrepreneurial orientation and performance of family businesses // Entrepreneurship and Regional Development. 2010. V. 22. P. 241-264.

Lumpkin G.T., Brigham K.H. Long-term orientation and intertemporal choice in family firms // Entrepreneurship Theory and Practice. 2011. V. 35. P. 1149-1169.

Luria G., Snaan R.A., Boehm A. National culture and prosocial behaviors: results from 66 countries // *Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly*. 2015. Q. 44, 1041-1065. DOI: 10.1177/0899764014554456.

Maddux W.M., Yuki M. The «ripple effect»: Cultural differences in perceptions consequences of events // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2006. V. 32. P. 669-683.

Milfont T. L., Gapski E. Cross-cultural differences in time orientations: Integrating culture-level data. Paper presented at the 20th Congress of the International Association for Cross-Cultural Psychology, Melbourne, Australia, July, 2010.

Minkov M., Bond M.H., Dutt P., Schachner M., Morales O., Sanchez C.O., Jandosova J., Khassenbekov Y., Mudd B. A Reconsideration of Hofstede's Fifth Dimension: New Flexibility Versus Monumentalism Data From 54 Countries // *Cross-Cultural Research*. 2018. V. 52. P. 309-333. DOI:10.1177/1069397117727488.

Mischel W. From good intentions to willpower // Gollwitzer P.M., Bargh J.A. (Eds.). *The Psychology of Action: Linking Cognitions and Motivation to Behavior*. N.Y.: Guilford, 1996. P. 197-218.

Morselli D., Passini S. Measuring Prosocial Attitudes for Future Generations: The Social Generativity Scale // *Journal of Adult Development*. 2015. V. 22. № 3. P. 173-182.

Murphy L., Dockray S. The consideration of future consequences and health behavior: a meta-analysis // *Health Psychology Review*. 2018. V. 12(4). P. 357-381. DOI: 10.1080/17437199.2018.1489298.

Nevins J.L., Bearden W.O., Money B. Ethical Values and Long-term Orientation // *Journal of Business Ethics*. 2007. V. 71. P. 261-274. DOI: 10.1007/s10551-006-9138-x.

Park N. The Effect of Time Perspective on Debt Behaviors // *Consumer Interests Annual*. 2017. V. 63. URL: <https://www.consumerinterests.org/assets/docs/CIA/CIA2017/cia%202017%20park%20pp.pdf> (дата доступа 10.07.2020).

Park G., Schwartz H.A., Sap M., Kern M.L., Weingarten E., Eichstaedt J.C., Berger J., Stillwell D.J., Kosinski M., Ungar L.H., Seligman M.E.P. Living in the Past, Present, and Future: Measuring Temporal Orientation with Language // *Journal of personality*. 2017. V. 85(2). P. 270-280. DOI: 10.1111/jopy.12239.

Payne D., Corey C.M., Fok L.Y. The Indirect Effects of Cultural Values on Ethical Decision Making via Utilitarian Ethical Orientation // *American Journal of Management*. 2016. V.16(1). P. 19-34.

Preis T., Moat H.S., Stanley H.E., Bishop S.R. Quantifying the advantage of looking forward // *Scientific reports*. 2012. V. 2. 350. DOI:10.1038/srep00350.

Reynolds B. A review of delay-discounting research with humans: relations to drug use and gambling // *Behavioral Pharmacology*. 2006. V. 17. P. 651-667.

Sherf E.N., Tangirala S., Venkataramani V. Why Managers Do Not Seek Voice from Employees: The Importance of Managers' Personal Control and Long-Term Orientation // *Organization Science*. 2019. V. 30. № 3. P.447-466.

Sircova A., van de Vijver F.J.R., Osin E., Taciano L. Milfont T.L., Fieulaine N., Kislali-Erginbilgic A., Zimbardo P.G. Time Perspective Profiles of Cultures // *Stolarski M., Fieulaine N., van Beek W. (Eds). Time Perspective Theory; Review, Research and Application*. Springer, Cham, 2015. P. 169-187. DOI: 10.1007/978-3-319-07368-2_11.

Sjåstad H. Short-sighted greed? Focusing on the future promotes reputation-based generosity // *Judgment and Decision Making*. 2019. V. 14(2). P. 199-213. URL: <http://journal.sjdm.org/17/17907b/jdm17907b.pdf> (дата доступа: 10.07.2020).

Stevens J.R. Mechanisms for Decisions about the Future // *Animal Thinking: Contemporary Issues in Comparative Cognition*. Ed. by R. Menzel & J. Fischer. Cambridge, MA & London: The MIT Press, 2011. P. 93-104.

Strathman A., Gleicher F., Boninger D.S., Edwards C.S. The consideration of future consequences: Weighing immediate and distant outcomes of behavior // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1994. V. 66. P. 742-752.

- Suddendorf T.* Mental time travel: continuities and discontinuities // Trends in Cognitive Sciences. 2013. V.17. P. 151-152. DOI: 10.1016/j.tics.2013.01.012.
- Tanaka S.C., Yamada K., Yoneda H., Ohtake, F.* Neural mechanisms of gain-loss asymmetry in temporal discounting // The Journal of Neuroscience. 2014. V. 34(6). P. 5595-5602.
- Tapinos E.* Assessment of anticipation // R. Poli (Ed.), Handbook of Anticipation: Theoretical and Applied Aspects of the Use of Future in Decision Making Cham, Switzerland: Springer, 2019. DOI: 10.1007/978-3-319-31737-3_91-1.
- Thaler R.* Some empirical evidence on dynamic inconsistency // Economic Letters. 1981. V. 8. № 3. P. 201-207.
- The Governance for Happiness. Global Survey results. Conducted by George Ward & Schoen Consulting, October 2019. URL: https://yes-ukraine.org/files/pdf/Happiness_report_2019.pdf (дата доступа: 10.07.2020).
- Trommsdorff G.* Future orientation and socialization // International Journal of Psychology. 1983. V. 18. P. 381-406.
- Trope Y., Ledgerwood A., Liberman N., & Fujita K.* Regulatory Scope and Its Mental and Social Supports. Perspectives on Psychological Science. 2020. DOI:10.1177/1745691620950691
- Venaik S., Zhu Y., Brewer P.* Looking into the future: Hofstede long term orientation versus GLOBE future orientation // Cross Cultural Management. 2013. V. 20. N. 3. P. 361-385.
- Wang M., Riegerb M.A. Hensc T.* How time preferences differ: Evidence from 53 countries // Journal of Economic Psychology. 2016. V. 52. P. 115-135.
- Yang S.* Effect of Poverty on Intertemporal Choice and Psychological Explanations // Psychology. 2016. V. 7. P. 1296-1306. DOI: 10.4236/psych.2016.710131.

LONG-TERM ORIENTATION OF THE PERSON: THE STATE AND PROSPECTS OF RESEARCH**

T.A. Nestik*

*Sc.D. (psychology), professor, head of the laboratory of social and economic psychology, Federal state-financed establishment of science Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences; 13-1 Yaroslavskaya str., Moscow, 129366; e-mail: nestik@gmail.com

Summary: The article presents an analysis of long-term orientation as a socio-psychological phenomenon. Various approaches to the study of long-term orientation in cross-cultural psychology, neurosciences, economic and organizational psychology are considered. Long-term orientation is proposed to be considered as a multidimensional phenomenon, including different components: motivational (orientation to delayed gratification, future discounting, the value of continuity, time-stable achievements and a trace in history, the value of continuous self-development, the value of predicting the future, the value of long-term goal-setting and planning, the value of long-term relations, responsibility to future generations), cognitive (time perspective extension, planning horizon, belief in the ability to influence the distant future and to predict it, belief that the efforts expended will be rewarded in the future), affective (pleasure from fantasizing about the long-term future, interest in long-term forecasts, optimism about the long-term future) and behavioral components (setting long-term goals, focusing on taking into account long-term consequences, searching for information about the long-term future, readiness to discuss it with friends and colleagues, focus on purchasing durable goods). The social and psychological prerequisites for long-term orientation and its psychological functions, as well as its possible socio-psychological types are analyzed. Prospects for further research in this area are outlined.

Keywords: long-term orientation, time perspective, values, future discounting, delayed gratification, planning horizon, cross-cultural differences.

** The research is supported by RBRF project № 19-29-07463.